

БЕЛЪЕТОНЪ.

РАЗГРОМЪ.

(Впечатлѣнія на выставкѣ).

Почти весь вагонъ Сименса быстро мчитъ къ выставкѣ, мимо пустыхъ деревянныхъ аркавъ Международной гостинацы, Франц. Европейской и того веселаго сада, въ которомъ хотъ не было ни одного деревца, но вѣетъ тихо по вѣли разныя птички въ гнѣздѣхъ съ Пеллою Менотти. Окна гостиныя смотрятъ на свѣтъ Божій уныло, за стеклами ихъ — темная вѣтвь и въ общемъ эти неудачно построенныя и неудачниками деревянныя казармы кажутся въ видѣ чухъ-то остововъ излода. Изъ дверей ихъ выходятъ въ рукахъ сѣрыя фигуры почемъ-то канавинскихъ мѣщанокъ — одна водила себѣ на голову столъ, другая несетъ въ рукахъ дюжину тарелокъ не служачихъ имъ глазъ, третья пытается изъ вазачей на себя умывальникъ, четвертая развѣтвяно машетъ руками и кричитъ вполголоса въ ладолюмовому извозчику, который стоитъ перѣзъ вей, прислонясь къ своей тележкѣ, и спокойно слушаетъ ея крикъ... Возмутъ какъ-то доски, съ кусками бумагъ на нихъ, желѣзныя кровати, разную мебель...

На крышѣ павильона „Картины Врубела“ группа плашниковъ усердно стучитъ топорачкомъ и павильонъ на половину изломанный, выщипанный, потерявшій форму, осыпанный со всехъ сторонъ досками являетъ собой характерную картину какъ разъ во вкусѣ М. Врубела. „Принцесса Грѣза“ уже исчезла, „Микюла“, которому, навѣрное, особенно должно позориться, устроенное для него въ павильонѣ, сошелъ съ полотна и, не имея ни силъ своихъ, ни дерева павильона, старательно ломаетъ послѣднѣй.

За оградой выставки прежде всего бросается въ глаза фонтанъ, хотя время, когда мысли прикованные къ выставкѣ люди нуждаются въ охлажденіи, — давно уже миновало. Но вода, съ шипѣніемъ, въ которомъ такъ и звучатъ ехидныя нотки скепсиса — все бьетъ кверху, орошая брызгающими и служа какъ-бы символическаго занятія людей — переливанія пустого въ порожнее. Тамъ, гдѣ вѣкогда лежала редька электрической дороги Подольцова и К^о — нынѣ поражаетъ глазъ взрытая земля — точно вокругъ всей выставки разползло какое-то громадное пресмыкающееся и взрыло на пути своемъ эту землю, на которой съядя деньги, а собираютъ въ жит-

вицы — хламъ. Овъ — всюду. Овъ заполняетъ собой всю территорію выставки въ видѣ соломы, мочала, стружекъ, щепъ, разноцвѣтныхъ кусочковъ бумаги, кусковъ извѣсти, рваныхъ газетъ...

Вокругъ центрального зданія стальной змѣей распласталась вѣтвь желѣзной дороги, а между нею и стѣнами зданія — лежатъ горы ящиковъ. Одни изъ нихъ открыты и смотрятъ какъ гроба и ждутъ, когда въ нихъ положить „продуктъ русскаго національнаго труда“, выработанный иностранной фирмой Шнелль, Клопсъ и К^о, другіе уже заколочены, надъ третьими возятся нѣкіе усталые и злые люди, укладывая въ нихъ какія-то чучела, завернутые въ солому и бумагу. Раздается мрачный звукъ ударовъ молотка, вгоняющихъ въ крышку ящика гвозди. Трещатъ и стонутъ доски, разламываемыя рукой, которой ихъ не жалко. По газонамъ, стоившимъ много денегъ и очень много денегъ и еще много денегъ, — бѣдутъ ломовые извозчики, „изъ которыхъ нѣкоторые“ еще не нагрузили возовъ, а иные уже нагрузили, но какъ тѣ, такъ и другіе не питаютъ къ газонамъ ни малѣйшей жалости. На одномъ газонѣ устроено нѣчто въ родѣ извозничьей биржи и лошади съ аппетитомъ поѣдаютъ тѣ дорогія насажденія, на которыя люди могли только смотрѣть и которыхъ имъ не только бѣсть, но даже и рвать не позволяли. О, несправедливость! Павильоны горныхъ заводовъ — опустошены, и нѣкоторые изъ нихъ сильно пострадали въ то время, когда ихъ опустошали. Тяжеловѣсные экспонаты изъ чугуна и желѣза дали себя знать стѣнамъ и окнамъ павильоновъ, и зритель можетъ подумать — ужъ не совершилось ли тутъ какого либо протокольнаго происшествія, въ родѣ битвы бронзовыхъ медалей съ золотыми? Внутри казенныхъ зданій нельзя ходить безъ знакомства съ наукой эквилибристики, — всюду горы ящиковъ, между ними лабиринты, въ которые легко войти но трудно выйти, а подъ ногами доски, и въ нихъ торчатъ гвозди, преисполненные ехиднаго намѣренія вонзиться вамъ въ пятки. Оглушительный стукъ, крикъ и трескъ стоитъ въ мануфактурномъ отдѣлѣ.

Витрины разбираются одна за другой, и люди, занятые дѣломъ разрушенія, безъ особенной жалости относятся къ ихъ изящнымъ украшеніямъ. Тамъ трещитъ красивая обивка внутренности витрины, здѣсь летитъ на полъ одно изъ ея внѣшнихъ украшеній, какой-нибудь уголокъ, наличникъ, колонка, рѣзьба. Ихъ сопровождаютъ ругательствами и снова продолжаютъ работу въ тучахъ пыли и въ морѣ шума. Гля-

дя на этот хаосъ разнообразныхъ кусковъ дерева, на унылые скелеты когда-то поражавшихъ своимъ блескомъ витринъ, и груды ящиковъ—начинаешь думать, ужъ не стрѣляли-ли въ мануфактурный отдѣлъ изъ шести-саженныхъ пушекъ военно-морского отдѣла? Такъ и кажется, что по отдѣлу прогулялся трескотъ фунтовый снарядъ, превращая въ обломки все, что онъ встрѣтилъ на пути своемъ. Такое-же впечатлѣніе разгрома производитъ и отдѣлъ фабрично заводскій. На мѣстѣ трехцвѣтной колонны фирмы Петра Смирнова — стоитъ какая-то ободранная висѣлица, а потому вокругъ нея лежатъ груды синяго, бѣлаго и краснаго стекла тѣхъ кувшиновъ, которые придавали ей такую оригинальность и которые были построены въ расчетъ на эффектъ вечерняго освѣщенія. Пахнетъ водкой... Кое-гдѣ на полу—лужи съ осколками бутылокъ въ нихъ; очевидно, продукты частнаго винокурени часто падали, провидя будущее, изъ котораго на нихъ сурово надвигается грозная туча казенной монополии. Прелестная витрина рижскаго анонимнаго Общества писче-бумажной фабрики, выстроенная въ египетскомъ стилѣ одна не тронута пока еще, но какой-то русскій эстетикъ, очевидно, недовольный смуглыми фізіономіями египтянъ на колоннахъ витрины, смазалъ ихъ мѣломъ и даже одному египтянину приклеилъ къ носу кусокъ колбасы, а другому вставилъ въ ротъ папиросу.

Группа рабочихъ разбираетъ чью-то витрину, отнимая ее боковую сторону. Красивая стѣнка шатается и готова упасть.

— Держи! Осторожно вали ее!.. командуетъ одинъ. Рабочіе, видя, что масса дерева валится на нихъ, вдругъ дружно бросаютъ ее поддерживать, и она съ трескомъ и грохотомъ падаетъ на груды ящиковъ.

— О, черти! Говорилъ вѣдь—осторожно!
— Да она осторожно и сверзлась—вишь никого не задѣла изъ насъ, — оплоаируетъ одинъ изъ рабочихъ...

Вокругъ павильона удѣловъ — мерзость заусѣбая. Рабочіе, подъ предводительствомъ какого-то субъекта въ рыжей шляпѣ, выкапываютъ изъ земли растенія, одѣваютъ ихъ въ солому, и на землѣ лежатъ ряды соломенныхъ чучель, напоминающихъ собой формы человѣческаго тѣла.

По мостику черезъ прудъ, очевидно, уже ѣздили на телѣгахъ, скульптурныя украшенія его превращены во прахъ и лежатъ низвергнутыми на землю. Господинъ съ кокардой на шляпѣ и съ философской миной на лицѣ стоитъ и тыкаетъ въ нихъ палкой, сбрасывая ихъ въ воду съ мостика и

слушая какъ булькаетъ вода. Ломовой извозчикъ черпаетъ ведромъ воду изъ фонтана около витрины Сытыва и, кстати ужъ, моетъ въ нее свои сапоги, а другой неподалеку отъ него, почерпнувъ кружкой воду, пьетъ ее, выливаетъ остатокъ въ фонтанъ и говоритъ товарищу:

— Ты, галманъ! Али не видишь, что я пью?

— А ты не видишь, что я тутъ сапоги мою?..

Объяснившись, они расходятся, при чемъ одинъ изъ нихъ садится на телѣгу и ѣдетъ къ павильону метеорологіи, задѣвая колесами за растенія на своемъ пути.

Въ павильонѣ удѣловъ укладываютъ въ ящики доски и оленей. Одинъ изъ плотниковъ, молодой парень, нюхаетъ бокъ оленя и улыбается.

— Все еще не протухла живогная то! — съ удовольствіемъ отмѣчаетъ онъ, возбуждая хохотъ.

Концертный залъ разбираютъ. Каждая изъ его досокъ помѣчена черной цифрой и весь онъ точно въ злокачественной ослѣ. На крышѣ его возятся сѣрые люди. Они уже разобрали порядочную брешь въ стѣнѣ и все болѣе расширяютъ ее, отрывая доски. И всюду, куда ни помотришь, все падаетъ, разрушается, трещитъ—отъ всего на землю сыплется хламъ. Какъ нивелика сила миллионная, но не прочно все то, что творятъ они; и выставка на каждомъ шагѣ свидѣтельствуетъ объ этомъ. Трудно представить, чѣмъ именно она была красива, теперь, когда ансамбля уже нѣтъ. Сила ансамбля уничтожаетъ детали, сливая ихъ въ гармоническое цѣлое и каждую изъ нихъ пропитывая духомъ единства, а уничтоженная деталь убиваетъ ансамбль, нарушая духъ единства частей. Теперь на выставкѣ — только детали.

Павильонъ Нобеля начинаютъ сокрушать, съ крышъ его летать какія-то доски и преляпываютъ приближенію къ нему, угрожая проломить голову. По части мѣръ предосторожности противъ увѣчія на выставкѣ, вообще, довольно слабо и человѣкъ тамъ настолько же обезпеченъ отъ поломокъ и прочихъ неприяностей, насколько онъ былъ обезпеченъ отъ всего этого во время знаменитой катастрофы въ Содомѣ и Гоморрѣ. Конечно, на выставкѣ нѣтъ огня, но его съ успѣхомъ замѣняетъ пылъ разрушенія, охватившій всѣхъ. Человѣкъ ломается всегда съ большей охотой и болѣе энергично, чѣмъ создаетъ—это одно изъ основныхъ свойствъ его природы, и онъ всегда съ успѣхомъ демонстрируетъ его.

Кустарный отдѣлъ опустошенъ и запертъ,

путьские павильоны укладываются, а отдѣль-
машинный изрыгаетъ изъ себя грохотъ,
слышннй во всѣхъ концахъ выставки. По
средиѣ его стоятъ платформы, нагруженныя
экспонатами, онъ пусть на двѣ трети и
только теперь бросается въ глаза удиви-
тельная высота и емкость этого сарая изъ же-
лѣза и стекла. Весь кружево и паутины—
холодный и прочный, онъ какой-то—фаль-
шиво-красивый и, представляя собой шедевръ
строительнаго искусства, не даетъ ничего,
что могло бы заставить полюбить искусство
архитектуры. Съ одной стороны, онъ какъ-бы
символь желѣзнаго вѣка, съ другой его
прозрачность, еще болѣе увеличиваетъ
и объясняетъ прозрачность той тщатель-
ности, съ которой онъ былъ устроенъ, и
той тенденціи, которую онъ долженъ былъ
иллюстрировать. Онъ полонъ оглушительна-
го грома, все въ немъ гудитъ, стучитъ,
грохочетъ. А далеко отъ него стоятъ пус-
тнннй, бѣдный внѣше и внутренно отдѣль
сельскаго хозяйства. Около него и въ немъ
и теперь такъ-же пусто, какъ было пусто
во дни процвѣтанія выставки. Рыболовство,
птицеводство, садоводство и всѣ другіе па-
сынки всероссійской выставки смотрять
оброшенно и какъ-бы забыты всѣми. Около
нихъ—пусто, ихъ даже и ломать съ усер-
діемъ не хотять и разрушать собираются,
такъ-же, какъ создавали „безъ вниманія“.
На „Москвѣ“ надпись—продается. Таковъ
вѣкъ—не только люди, цѣлые города про-
даются. Отдѣль художественный—окруженъ
ящиками уже упакованными къ отправкѣ, и
у атлета, разрывающаго цѣпь, кто-то выло-
милъ кусокъ руки. „Милосердіе“ съ первыхъ
дней появленія въ этотъ же отдѣль было съ
третиной—теперь эта третица увеличилась
и, навѣрное, „Милосердіе“ скоро развалится
какъ развалился носъ у „Вдохновенья“.

Азія и Кавказъ представляютъ собой кар-
тину упадка и разрушенія, точно вчера по
ней прогулялся Ассурбанипалъ со своей
храброй арміей или дикіе киммерійцы уч-
нили на этотъ отдѣль всеокрушающій
набѣгъ.

Глядя на всю эту картину разгрома, ста-
новится чего-то жалко, не то труда, истра-
ченнаго на устройство волшебной фееріи,
не то денегъ, которыми не только платили
за этотъ трудъ, но и вообще щедро сѣяли
на всѣ эти семьдесятъ десятинъ земли, ро-
давшей черезъ четыре мѣсяца послѣ пося-
ва—только прахъ и хламъ.

Особенно грустно смотрѣть на выставку
съ башни Бари. Люди, жаждавшіе безсмертія,
очевидно, приняли ее за нѣчто не сокрушимое
и неподдающееся силѣ времени, за нѣчто та-
кое-же, какъ ихъ собственная глупость—и,

думая такъ, они изрѣзали ножами и исписа-
ли карандашомъ всѣ ступеньки и перила
башни. Тысяча, если не болѣе, фамилій
украшаютъ перила на вышкѣ башни, и
среди нихъ особенно бросается въ глаза
глубоко вырѣзанное ножомъ факсимиле: „Се-
мѣнъ Федорсчиковъ купецъ 2-й гильдіи изъ
горда Гор.“ О, вѣчное стремленіе человѣ-
ка къ безсмертію! Даже и „Семѣнъ Федор-
счиковъ“ не чуждъ тебѣ!

Съ башни открывается странный и груст-
ный видъ. Выставка пуста по окраинамъ,
нигдѣ не видно ни одной человѣческой фи-
гуры и только въ центрѣ ея зятся группы
людей. Кажется, что оконечности уже ох-
вачены смертью и только сердце еще рабо-
таетъ. По дорожкамъ выставки, отъ центра
ея къ воротамъ ѣдутъ воза, нагруженные
ящиками и деревомъ. Возятся люди, подни-
мая тяжести, доносится, заглушенный раз-
стояніемъ шумъ и крикъ. То тамъ, то тутъ
что то съ грохотомъ падаетъ. Все, тамъ
внизу, какъ-бы подтачивается червями, и, ка-
жется, близокъ моментъ, когда всѣ эти
зданія съ трескомъ развалятся. За вы-
ставкой—позади большой квартиры „M-me
Sane Gène“—на пескѣ лежитъ груда чего-
то, напоминающаго собой развалины. Это—
ящики экспонентовъ и сараи, въ которыхъ
они лежали и съ которыхъ тесъ сдирается
теперь на подѣлку ящиковъ. Отъ сараевъ
остались одни скелеты и они, возвышаясь сре-
ди грудъ ящиковъ, вмѣстѣ съ ними кажутъ
ся разгромленнымъ городомъ. На горизонтѣ
мятутся густые клубы дыма. Горить лѣсъ.
И порой въ опаловыхъ облакахъ дыма на
секунду вспыхиваетъ что-то розовое. Ока и
Волга блестятъ на солнцѣ холодной сталью.
Тяжелая масса зданій ярмарки давитъ землю,
и среди нихъ—ни одной человѣческой фи-
гуры—точно это горь родъ мертвыхъ. Коричневая
гора города смотрять на выставку. Все
пропитано колоритомъ осени, уныніемъ,—и
воздухъ холодно прозраченъ. Изъ-подъ ногъ
доносится шумъ, гулъ, крики, свистки по-
ѣзда подвозящаго балластъ для устройства
на выставкѣ желѣзнодорожной насыпи. Во-
кругъ центрального отдѣла она уже вытя-
нулась желтой змѣей, и около нея съ лопа-
татами въ рукахъ копошатся фигуры солдатъ.
Чувство печали и сожалѣнія о чемъ-то все
сильнѣе охватываетъ дупу, и на башнѣ Бари
становится холодно и скучно...

„Чѣмъ больше видитъ глазъ, чѣмъ шире
поле зрѣнья, тѣмъ крѣпче давитъ насъ то-
ска и сожалѣнье о томъ, что все вокругъ такъ
тускла и уныло“... поетъ Луиза Акерманъ...